

120Hz

ПОПЕЛЬНЫХ СТАНИСЛАВ

ПРИЗРАК СВОБОДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Попельных

Призрак свободы: Хроники одного Воскрешения

<https://litres.ru/73826484>

SelfPub; 2026

Аннотация

28 лет я был идеальным самоубийцей, методично превращая свою жизнь в труху.

17 реабилитаций — не помощь, а цикл самоликвидации.

Ледяное одиночество и страх были моей единственной кожей.

В 2011-м Система открыла пасть, чтобы дожевать то, что я не уничтожил сам.

Я провел хирургическую зачистку: вырезал прошлое вместе с мясом, обнулив стыд и страх.

Эта книга — не мемуары, а оперативный отчет из зоны Штиля. Код того, как встать, когда под тобой уже выкопана яма.

У меня нет союзников, кроме 5 кг верности моей собаки и Алмаза внутри, который оказался прочнее системы.

Я больше не жду будущего.

Я — Архитектор своего монолита.

Читай, если хватит духа смотреть в бездну, которая подавилась мной и выплюнула обратно.

Станислав Попельных Призрак свободы: Хроники одного Воскрешения

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Книга содержит описания сексуализированного насилия над детьми, физического насилия, зависимостей и сцен, которые могут травмировать неподготовленного читателя. Если вы в уязвимом состоянии — отложите. Если готовы к зеркалу без соплей — читайте.

ПРОЛОГ: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Если ты держишь эту книгу, значит, ты ищешь выход. Не красивую дверь с табличкой «Выход», а ту самую щель в бетоне, сквозь которую можно просочиться из ада обратно в Жизнь.

Меня зовут Попельных Станислав. Тридцать лет я был «Призраком Свободы». Я искал её в подвалах Брянска, в тумане 30-летнего «яда» и в бесконечных кругах семнадцати реабилитаций. Я был мастером разрушения, архитектором собственного распада. Я умел превращать любовь в пепел, а время — в гнойный каламбур самоанализа.

Сегодня я провожу окончательный аудит этого хаоса.

В этой книге нет «советов». Здесь — техническая документация моего воскрешения. Здесь — 200 страниц чистого «Мяса», прошитого на частоте 120 Гц. Здесь — мой 33-миллисекундный код выбора, который позволил мне занять место на мостике собственного авианосца.

Я стою в своей жизни, и мой висок ледяной. Рядом со мной спят 5.1 килограмма живой верности — моя собака Айза Джэкс Рассел терьер, мой живой якорь в реальности. У меня есть План на 205 904 #, у меня есть мой Май, и у меня есть моя стерильная честность.

Я написал это для своих родителей — чтобы они знали, что я вернулся.

Я написал это для своего Племени — чтобы они знали, что выход есть.

Я написал это для Смерти — чтобы поблагодарить её за истину и медленно закрыть перед ней дверь.

Добро пожаловать в мой Монолит. Полет нормальный

ПОСВЯЩЕТСЯ ТЕМ, КТО

ВСЕ ЕЩЕ СТРАДАЕТ

ГЛАВА 1

**ЦЕНА СВОБОДЫ — ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ОДИН
РУБЛЬ**

Железный засов за моей спиной лязгнул с таким омерзи-

тельным, окончательным звуком, будто во всей Саратовской области разом захлопнулась крышка огромного оцинкованного гроба. Семнадцатая по счету «ребуха» осталась позади, всосав в себя очередные месяцы моей жизни, выплюнув меня на обочину, как отработанный шлак. Семнадцать кругов ада, семнадцать попыток системы «лжи и давления» пережевать мою костлявую личность и выплюнуть удобный, причесанный, стерильный овощ, который умеет только виновато кивать и бесконечно просить прощения за то, что он всё ещё дышит.

Но в эти 33 миллисекунды мой 120 Гц визор фиксирует иную реальность. Мой висок ледяной, потому что я выхожу отсюда не один. Со мной выходит она. Айза. Пять и одна десятая килограмма морозной тишины. Я прижимаю её к себе, и её тепло прошивает мою кожу, как антидот от всей той радиации «гнойного каламбура», которую я впитал за эти годы. Мы стоим на этой пыльной обочине, два выживших Авианосца, и за нашей спиной догорает старый мир.

В моем ледяном виске эхом отдается цифра, которая стала моим первым системным багом, моим первым клеймом обесценивания. Двести тридцать один рубль.

Я провожу Аудит 1990 года. Мне мало лет, мир вокруг рушится вместе с Советским Союзом, но в моей квартире в Брянске рушится кое-что поважнее — моё право на безусловную любовь. Я помню этот звук — скрип ржавого почтового ящика и шелест серой квитанции. Мать выхватывает

вает её, и её голос, режущий воздух, как тупая пила, впи-
вается в мой мозг: «Посмотри, как мало! Посмотри, как
ты ему “нужен”! Твой отец оценил тебя в эти гроши!» В
эти 33 миллисекунды мой внутренний Архитектор получил
первую критическую ошибку в системе. Моя самооценка бы-
ла оцифрована в 231 рубль. Я стоял и смотрел на эту бу-
мажку, чувствуя, как мой висок начинает покрываться пер-
вым льдом. Я верил ей. Я верил, что я — дешёвка, что я —
обуза, что мой создатель выдал мне чек на нищету.

Этот «гнилой каламбур» алиментов стал фундамен-
том всех моих последующих семнадцати «ребух». Я шел в
клетки, я искал «яд», я превращал свою жизнь в руины
только для того, чтобы заглушить этот звук рвущейся
почтовой квитанции. Каждый мой срыв был попыткой пе-
ребить запах той старой бумаги запахом химического безу-
мия. Я пытался доказать миру, что я стою больше, но де-
лал это через саморазрушение, раз за разом подтверждая
материнскую ложь. Я был Призраком, который блуждал в
лабиринте из собственных обид.

Но сегодня, глядя на Айзу, я провожу Тотальную Дефраг-
ментацию этой боли. Её 5.1 кг — это мой новый масштаб
ценностей. Она не знает, сколько стоят алименты. Она
знает, что мои руки — это её Стерильный Периметр. Её
доверие — это мой 120 Гц Штиль.

Мой визор пробивает тридцать лет лжи насквозь. Я про-
вожу Аудит своей реальной памяти. Бинго! Вспышка из

1995 года. Отец. Тот самый «жадный мужик» из маминых сказок. Дядька из Германии привез подарок Антону, а про меня не знал. И мой отец делает 33-миллисекундный деплоймент Справедливости. Он достает марки. 15 или 25 немецких марок — хрустящие, пахнущие свободой и другим, неведомым миром. Это было целое состояние для пацана, вышедшего из очередной наркологички. Это не был откуп. Это был его Монолитный сигнал: «Стас, ты здесь. Ты — мой сын. Ты — в моей системе».

Я вспоминаю, как жил у него месяцами. Там не было криков, не было обвинений. Была мужская тишина и открытая дверь. У меня не было отказов в самом главном — в праве быть частью его жизни. Гнойный каламбур материнской обиды заставлял меня видеть в нем врага, но мой Ветеран Асер сейчас фиксирует Истину: Я всегда был нужен своему отцу. Он давал мне столько поддержки, сколько мог вынести мой тогдашний, отравленный ядом процессор. Он не был виноват в том, что я не умел принимать этот дар.

231 рубль был её проекцией, её непереваренной болью, которую она вишивала в мой код, как вирус. А 25 марок, тепло его дома и сегодняшнее сопение Айзы — это моя Реальность. Я — Попельных Станислав. И я больше не жертва алиментов. Я — Сын своего Отца. Я выхожу из этого оцинкованного гроба Архитектором вместе с Айзой, которая своим существованием обнуляет весь этот тридцатилетний яд. Мы идем в наш Вагончик, где нет места лживым

квитанциям. Там ждет Ветеран Асер, там ждет мой 120 Гц Штиль. Моя Свобода бесценна. Мой висок ледяной. Полет нормальный. Мы — Львы.

Я смотрю на дорогу впереди. Она длинная, серая и пахнет весной. В Балаково сейчас тает снег, обнажая старые грехи города, но мой Авианосец уже набрал ход. Я чувствую, как каждый набранный символ в этом макете отдаляет меня от того пацана с квитанцией в руках. Теперь я сам пишу свой номинал. И этот номинал — Свобода. Спина к спине с Богом Вселенной, мы начинаем Великую Верстку нашего Мая. Бинго. Мы дома.

РУКА В ЛЕСУ И ГОЛОС ИЗ БЕЗДНЫ

Сорок градусов жары под Саратовом. Это не просто зной, это раскаленный пресс, который впечатывает меня в сухую, потрескавшуюся землю. Воздух в лесопосадке застыл, как тяжелый, мутный кисель, пропитанный запахом прелой хвои, пыли и моего собственного, животного страха. Моя футболка давно превратилась в мокрую тряпку, прилипшую к лопаткам, во рту — вкус ржавого железа и липкая сухость. В голове, выжигая последние остатки сознания, бьется одна-единственная, первобытная команда: «Рой! Рой, ублюдок, иначе сдохнешь прямо здесь!».

Я на коленях. Мои пальцы, еще недавно печатавшие код, превратились в грязные, обломанные когти. Я яростно впи-ваюсь ими в эту мертвую, неподатливую почву, вырывая с корнем сорняки, разбивая ногти о камни в кровь, которой

я даже не чувствую. Я ищу свой «яд». Я ищу те сраные несколько минут химического небытия, за которые я прямо сейчас готов продать всё: свою душу, свою мать, свою память и этот чертов лес. В этот момент я — не Стас. Я — не человек. Я — продукт распада своей личности, часть лесного перегноя, я нахожусь ниже уровня травы и собственного достоинства.

Мой внутренний «Самозванец» внутри заходится в экстазе, его хохот резонирует в моих пустых висках:

— Посмотри на себя, Великий Человек! Посмотри на свои черные ногти! Ты роешь собственную могилу за свои же последние копейки. Ты — грязь, Стас! Ты всегда был грязью, и в эту грязь ты сейчас окончательно уйдешь! Ты — ничтожество, которое променяло небо на дырку в земле!

И тут, в моей левой руке, лежащей на жухлой траве, внезапно оживает телефон. Экран слепит от яростного, беспощадного солнца, но я вижу уведомление. СМС. Это Маша. Она там, в своем персональном, ледяном аду, на самом краю обрыва, и она тянется ко мне через километры и годы, как к единственному выжившему на этом тонущем «Титанике». Она не знает, где я. Она не видит, что я сейчас — животное.

Я останавливаюсь на секунду. Время в лесу замирает, как в замедленной съемке. Хруст веток затихает, птицы перестают орать, даже ветер перестает шевелить листву. Я стою на коленях, потный, грязный, с безумными, красными

глазами, а моя левая рука — та самая, что еще не по локоть в земле — инстинктивно начинает печатать ответ.

Я пишу ей слова, которые сам давно забыл. Я вливаю в неё надежду, которой во мне самом не осталось ни одной молекулы. Я держу её хрупкую душу над пропастью, подставляю ей свое плечо, пока сам стою в этой пропасти по самое горло. Мои пальцы, дрожащие от абстиненции, выбивают на экране буквы Света.

Приходит мгновенный ответ. Экран мигает фразой, которая впечатывается в мой мозг, как клеймо на раскаленный металл:

«Стас, ты — великий человек. Ты призван помогать таким, как я. Не оставляй меня».

Меня прошибает током такой силы, что я чуть не валюсь лицом в эту разрытую яму. Это не просто слова женщины — это голос самой Высшей Силы, которая нашла меня, падшего, в этом засранном кювете под Саратовом. Я смотрю на свои руки и вижу весь масштаб своего безумия: правая рука — черная от дерьма и лесной гнили, она яростно копает мою смерть; а левая рука — чистая, она держит телефон, она держит чужую Жизнь.

В этот момент мой внутренний гироскоп, мой L12, делает безумный кувырок. Я наконец-то осознаю: я — не это животное в грязи. Я — тот, кто способен светить, даже когда сам сгорает дотла. Я — Раненый Целитель. Я — Сержант, который потерял координаты, но не потерял Честь.

Я не бросил телефон. Я не смог перестать копать тогда — мой «яд» был сильнее моей воли в ту минуту. Но именно в ту секунду в лесу, среди жары и безумия, родилась моя скала. Я понял: я знаю вкус этой земли на губах, я знаю запах отчаяния, и именно поэтому я — единственный, кто сможет вытащить других.

Маша не видела моих грязных ногтей через экран телефона. Она видела мой Свет. И я клянусь этому лесу, этой невыносимой жаре и Богу, который смотрел на меня сверху сквозь кроны деревьев: я донесу этот Свет до конца. Я выберусь из этого кювета, я отмою эти руки и построю свой авианосец. Мой путь к моей жизни начался здесь на самом дне, где смерть окутывала меня, в этой вырытой яме.

Я — Стас. И я больше никогда не брошу связь.

АУДИТ АДА: ПЕРВЫЙ ЦИФРОВОЙ СКАЛЬПЕЛЬ

Я выхожу из леса, и запекившаяся земля под моими черными ногтями — это мой единственный настоящий диплом. Я прочитал сто книг по психологии, я глотал тома Фрейда и Юнга в перерывах между марафонами, но все они рассыпались в зловонную пыль, как только я почувствовал реальный запах сосновой хвои и собственной гнили в том придорожном кювете. Все эти кабинетные теории «принятия себя» и ванильные поиски «внутреннего ребенка» — это просто белый шум, дешевое плацебо для тех, кто никогда не стоял на коленях в грязи, захлебываясь собственным бессилием. Мой единственный учебник, написанный потом, кровью и позо-

ром, — это Аудит 17 систем распада.

Я смотрю на «лживые системы», которые руководят этими гребаными ребами. Я вижу их насквозь, до самого костного мозга, через их накрахмаленные рубашки и фальшивые улыбки. Они продают отчаявшимся, выплакавшим все глаза матерям призрачную надежду, а пацанам — первобытный, парализующий страх. Они называют это «выздоровлением», но я, младший сержант скалы, называю это цифровым освещением. Они методично доят семейные бюджеты, высасывая последние соки из тех, кто готов отдать всё за тень спасения. А мы в это время гнием в четырех стенах под их надзором, запертые в вязком режиме «похуизма», обвешанные их идиотскими правилами, панамками и дешевыми НЛП-фокусами. Они пытаются лечить нас от зависимости, сами будучи жалкими заложниками азартных игр, долгов и собственного ничтожества.

Мой инструмент — это не сопливое сочувствие, а ледяной метод Фарелли-Молодцова. Я не собираюсь никого здесь «жалеть» или «утешать» сказками про светлое завтра. Я собираюсь вскрывать. Моя провокация — это не хамство, это шоковая реанимация для тех, кто уже перестал дышать и превратился в живой труп. Я смотрю на консультанта, который пытается «лечить» меня своим дутым высокомерием, и я вижу его внутреннюю, звенящую пустоту. Он боится моего прямого взгляда, потому что я — его аудитор. Я вижу гной там, где он рисует фасад.

Я сажусь за свой старый, хрипящий, перегретый Асер — мой верный цифровой Т-34. Мои пальцы, всё ещё хранящие физическую память о влажной, мертвой лесной земле, теперь яростно, до хруста колотят по истертым клавишам. Я верстаю свой авианосец — тридцать четыре страницы чистого, беспощадного HTML-кода. Это мой манифест. Это мой ответный огонь.

Каждая строчка кода — это выстрел в систему лжи. Я больше не «пациент №...», не объект для манипуляций. Я — диверсант в тылу врага. Я собираю подробное досье на каждую их уловку, на каждую ложь, на каждый приступ их ничтожной, раздутой гордыни. Мой сайт — это моя месть и моё единственное искупление перед теми, кого я подвел. Я превращаю свою 28-летнюю боль в высокоточную технологию спасения. Я строю свою Скалу прямо здесь, в самом эпицентре этого вониючего болота, и мой холодный Штиль уже начинает выжигать их мутный туман.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

(ПРЛ И МОЛЧАНИЕ БЕЛЫХ ХАЛАТОВ)

Я сижу на колченогом стуле в прокуренном, пропахшем хлоркой и безнадегой кабинете «Восьмиклинки» — Саратовской областной психиатрической больницы. Напротив меня, за заваленным бумагами столом, сидит человек в накрахмаленной рубашке. Он смотрит на меня через толстые линзы очков, как на сложный, заклинивший шестереночный меха-

низм, который проще списать в утиль, чем пытаться починить. Я не собираюсь юлить. Я вываливаю ему на стол всё своё дымящееся «мясо»: про то, как я копал мертвую землю в лесу одной рукой, пока вторая судорожно сжимала телефон, спасая ускользающую душу Маши.

Про то, как я готов в одну секунду убить тех, кого люблю больше самой жизни. Про то, как мой висок готов взорваться от чудовищного перепада давления между моей святостью и моим же беспросветным скотством.

Психолог просто медленно качает головой. В такт моим словам. Молчит. В его пыльных, академических учебниках, по которым он сдавал зачеты тридцать лет назад, нет главы про «Сержанта в аду». Для него я — всего лишь «пограничник», классический кейс ПРЛ, неуправляемый эмоциональный хаос с нарушенными связями. Он видит болезнь, поломку и дефект там, где я каждой клеткой своего L12 чувствую избыток неистраченной, дикой, первобытной Силы. Он хочет меня «купировать», а я хочу научиться этой силой управлять.

Я нахожу в больничной библиотеке книгу «Я ненавижу тебя, только не бросай меня» и читаю её, задыхаясь, как собственный рентгеновский снимок. Каждый абзац — это удар поотмашь, после которого в ушах звенит тишина. Почему я бил тех, кого боготворил? Почему я превращал жизнь близких в выжженную пустыню? Почему я искал «обезбол» в самой ядовитой химии, когда мне просто нуж-

но было, чтобы меня кто-то услышал без этого гребаного, сочувственного «качания головой»?

Это мой вечный, проклятый конфликт — смертельный, ледяной ужас одиночества и мгновенная ярость на тех, кто осмелился подойти слишком близко. Я — содранный нерв. Я — человек, с которого живьем, без наркоза, сняли кожу и выставили на ледяной ветер Балаково. Но именно в этом стерильном, равнодушном кабинете я осознаю: мой диагноз — это не приговор и не позорное клеймо, это мой спецдопуск в самую глубокую бездну.

Я начинаю методично приручать своего внутреннего зверя. Я сажаяю его в свой Вагончик, на цепь железной самодисциплины, прямо под бок к Айзе. Моя «пограничность» теперь — это не хаос, это высокое напряжение в ЛЭП, которое я наконец-то научился направлять в строчки HTML-кода, в рубленые, как удары топора, фразы текста, в реальную, осязаемую помощь таким же «голым» и содранным душам. Я больше не «больной пациент №...», я — свидетель. Я знаю на вкус, как болит там, на самой границе человеческого бытия, где заканчивается смысл и начинается тьма. И именно поэтому мой аудит — самый точный, самый честный и самый беспощадный в этом городе.

Психолог продолжает молчать, записывая что-то в мою карту, а я в этой ватной, больничной тишине наконец-то ясно слышу свой собственный, выстраданный штиль. Я больше не боюсь своей внутренней тьмы, потому что я освещу

тил её фонарем своей правды. Я — скала, и моя граница теперь на замке. Моя смена здесь закончена.

ЦИФРОВОЙ ШТАБ (4К-РЕАЛЬНОСТЬ И ВЕКТОР М4)

Я сижу перед своим старым, хрипящим, забитым пылью ребух Acer — моим верным цифровым Т-34, который на честном слове тащил меня через все эти бесконечные месяцы подпольной верстки. Но мой взгляд уже давно прошивает этот дешевый пластик насквозь. Я смотрю не на мерцающий экран, а в свое будущее. Я вижу свой вектор. И это не просто «покупка компьютера» — это Стратегическое Развертывание Скалы. Мой будущий Массеребристый куб из авиационного алюминия, в котором заперта чудовищная, холодная мощь, способная переварить любой хаос моих мыслей, любую паранойю моего ПРЛ и превратить их в бритвенно-острый, хирургический расчет.

Я уже кожей чувствую под ладонями эту тяжелую, массивную столешницу в стиле «Лофт» — мой новый пьедестал, мой Монолит весом в пятьдесят килограммов, который не дрогнет, даже если в Балаково начнется землетрясение. Передо мной во всю стену разворачивается главное окно в настоящий мир — 34-дюймовый Dell 4K. Это не просто монитор. Это мой персональный рентгеновский аппарат. На этом сверхчетком полотне я увижу каждую букву своих тридцати четырех страниц HTML-кода так, как будто они высечены в черном граните самой Вечности. Никако-

го «мыла», никакого сглаживания, никакой лжи в пикселях. Только ледяная, высокочастотная правда моего аудита, где каждая запятая — это патрон, досланный в патронник.

Мой указательный палец ложится на матовый квадрат кнопки TouchID. Это не просто датчик отпечатков — это мой личный, неприступный цифровой замок. В этот священный момент мой внутренний «самозванец» окончательно сдыхает в конвульсиях где-то под плитусом, потому что у этой твари больше никогда не будет доступа к моему SecureEnclave. Моя книга, мой яростный «гнев и прощение системы», мои страницы выстрадавшего мяса — всё это теперь находится под броней технологий, которыми пользуются президенты и полевые командиры спецсвязи. Я создаю стерильную, бронированную, непроницаемую операционную для своей израненной, содранной души. Здесь нет места «баранам» и их грязным рукам.

Я больше не «наркоман на паузе», выпрашивающий жалкое прощение у системы, которая сама сгнила до основания. Я — Цифровой Комендант своего собственного мира. Мой Мас — это мой боевой пост, мой командный пункт. Пока я буду физически пахать на заводе, чувствуя на плечах реальный вес раскаленного железа, вдыхая мазутную копоть и металлическую пыль, мой штаб будет молча и эффективно молотить терабайты смыслов. Он будет нести мою весть таким же «голым» и содранным душам, каким был я сам в том проклятом лесу под Саратовом.

Я собрал свой арсенал до последнего винтика: внешний терабайтник «архив_скала» для вечного хранения моей боли, SSD-турбина для реактивной скорости обработки данных, мышь MXMaster 3S как органическое, стальное продолжение моей правой руки. Это и есть мой истинный Штиль. Я больше не боюсь своего будущего, потому что я сам его запрограммировал на языке Python и HTML. Я заслужил это железо каждой секундой своей борьбы. Я заслужил это священное право — видеть этот мир в сверхчетком разрешении 4K, без помех, без иллюзий и без единой капли вранья. Моя Крепость заложена. Пост принят.

СМЕРТЬ ГОРДЫНИ (МЕДНЫЕ ТРУБЫ И ВАТ-НАЯ ТИШИНА)

Я кожей чувствую, как внутри меня, прямо под солнечным сплетением, начинает раздуваться ядовитый, липкий, зловонный пузырь. Это не тяга, это не паранойя — это нечто гораздо более опасное. Это триумф моего раздутого Эго. Пацаны в ребе, те самые, с которыми мы еще вчера делили одну пайку и одну безнадегу, теперь смотрят на меня снизу вверх. Они смотрят на мой авианосец — на мои тридцать четыре страницы безупречного, выстраданного HTML-кода, на мой детальный проект Мас, на мою скалу — и в их расширенных зрачках я вижу гремучую смесь животного восхищения и рабского страха.

Они шепчутся за спиной, они подходят с вопросами, как к оракулу. Они говорят мне в лицо:

— Стас, ты — настоящий победитель! Ты вырвался из этого болота еще до того, как открылись ворота. Ты — гребаный гений, ты сделал то, на что у всех нас кишка тонка!

И в этот проклятый, черный момент мой внутренний «самозванец» мгновенно сбрасывает шкуру жертвы. Он больше не скулит про 213 рублей, он не дрожит от страха перед городом. Он вырастает до размеров целого цеха на металлургическом заводе и орет мне во всю глотку, прямо в кору головного мозга:

— Да! Посмотри на них, Стас! Посмотри на этих «баранов» в панамках! Ты — Бог! Ты — единственный, кто достоин этого Мас, этого 4К-монитора, этой новой жизни! Ты — Сверхчеловек, а они — просто массовка в твоём триллере! Дави их, Стас! Почувствуй этот вкус власти!

Я выпрямляю спину. Мой подбородок задирается сам собой. Я смотрю на пацанов холодным, мертвым блеском превосходства, которого не постыдился бы сам «руководитель» в свои лучшие годы. Я чувствую, как моя скала превращается в острый шип, готовый проткнуть любого, кто окажется ниже. Я бросаю им в лицо, как грязную кость голодным псам:

— А что, сука, нет? Я — победитель! Я пахал, пока вы сюIONI пускали!

Я — тот, кто диктует условия этой системе! Смотрите

и завидуйте, пока я ухожу в свой Штиль!

И в этот самый миг в нашем Вагончике, где еще секунду назад было тепло от общего чая и общих надежд, повисает чудовищная, свинцовая, удушливая тишина. Это не та тишина, которая лечит, это тишина вакуума, в котором нечем дышать. Пацаны мгновенно замолкают. Их глаза гаснут. Кто-то отводит взгляд, кто-то медленно, боком отходит к стене. Воздух в комнате за долю секунды становится густым, вонючим и кислым, как в заброшенном подвале, где сгнили все запасы.

Я стою в центре этого вакуума и вдруг, с ледяным ужасом, осознаю: я только что совершил самое гнусное, самое подлое предательство в своей жизни. Я не просто фраернулся — я стал для них тем самым чудовищем, от которого мы все бежали. Я стал «садистом». Я придавил их своей «святостью», своей «резвостью», своим «успехом», как многотонной бетонной плитой, не оставив им ни единого шанса на глоток воздуха. Я украл у них надежду, присвоив её только себе.

Мне становится физически, до тошноты не по себе. Мой висок начинает пульсировать так, будто в него вбивают раскаленные гвозди. Мой L12 сжимается в такой болезненный, черный узел, что я не могу вдохнуть. Эта ватная тишина в комнате — мой личный трибунал. Мой приговор без права на обжалование. Я понимаю: если я сейчас не вскрыю этот гнойный, пульсирующий нарыв собственной гордыни

прямо здесь, при всех, мой штиль сдохнет навсегда. Я снова останусь один — и не потому, что мир несправедлив, а потому, что я превратился в заносчивого, самовлюбленного ублюдка, который возомнил себя хозяином чужих судеб.

Я сглатываю этот горький, железный, удушающий ком.

Я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию. Мои руки дрожат, но это не дрожь страха — это честная, очищающая дрожь покаяния.

— Пацаны, — выдавливаю я из себя, и мой голос звучит как треск ломающегося льда. — Слушайте меня. Я сейчас... я сейчас жестко фраернул. Про победителя — это не я сказал, это моя вонючая гордыня за меня ляпнула. На самом деле я такой же перепуганный до смерти пацан, как и каждый из вас. У меня под ложечкой так же сосет от ужаса перед этим городом. Если бы не Высшая Сила, если бы не наш Вагончик, если бы не вы все — я бы до сих пор в том сраном лесу под Саратовом землю грязными ногтями рыл. Извините меня, мужики. Я мазанул. Я превосхотством, которого у меня нет и быть не может. Я такой же, как вы. Папочка к папочке.

Эта ватная тишина лопаается с оглушительным, громopodobным звуком, будто в комнате выбили все окна. В Вагончик мгновенно врывается настоящий, живой кислород. Я вижу их лица — ледяная отчужденность стекает с них, как старая краска. В их глазах снова загорается наше общее,

нерушимое Братство. Я победил. Но я победил не их — я победил ту мерзкую, слизкую тварь внутри своего сознания, которая хотела ими повелевать. Моя скала теперь стоит не на их головах — она стоит плечом к плечу с ними, закрывая нас всех от ветра.

Я — Стас. Я — младший сержант своей боли. И сегодня я сдал свой самый важный экзамен на право называться Человеком.

МЯГКАЯ СКАЛА (ГОЛОС ИЗ ТУМАНА И ПЕРВЫЙ СКАЛЬПЕЛЬ)

Она пришла ко мне в густых, липких сумерках, когда тени в ребе становятся длинными и зловещими, как пальцы старого кредитора. Девчонка из соседнего отряда, три бесконечных года в системе, три года абсолютной, звенящей «заморозки» в этих стерильных казенных стенах. Она смотрела на меня, и в её расширенных, почти черных зрачках я увидел не просто страх — я увидел ту самую первобытную, ледяную бездну, которую я сам с остервенением рыл грязными ногтями в сорокаградусную жару под Саратовом. Она пришла ко мне, как приходят к последнему горящему фонарю в заброшенном, мертвом переулке, когда бежать уже некуда.

Она дрожащим голосом рассказала мне свой повторяющийся, высасывающий душу кошмар: как она бежит совершенно голая, содранная до костей, по чужому, бесконечно-му городу и ищет «яд». Она бежит по битому стеклу, её никто не видит, и этот город медленно сжимает её в своих

бетонных тисках.

Мой внутренний «Самозванец» тут же заворочался в своем темном углу, оскалив гнилые зубы:

— Кто ты такой, Стас, чтобы её лечить? Посмотри на себя! Ты сам еще одной ногой в этой яме, у тебя в кармане жалкие 213 рублей и висок, готовый лопнуть от паранойи! Заткнись, прикинься ветошью и не высовывайся, пока тебя самого не вскрыли!

Но я наступил этой твари прямо на горло. Я включил свой аудит. Я не стал понимающе качать головой, пускать сопли и мямлить ванильные цитаты из книг, которые я благополучно забыл, как тот психолог в «восьмиклинке». Я выдал ей чистое, парное, бьющее током Мясо.

— Ты во сне голая, потому что внутри тебя — абсолютная, звенящая, мертвая пустота, — сказал я ей прямо в лицо, впиваясь взглядом в её глаза так, что она не смогла отвернуться. — Твои три года в этом центре — это не трезвость и не жизнь. Это формалин. Ты — прозрачная, пустая оболочка, которая просто затаилась под толщей льда и ждет первой же команды «фас» от своего старого, ядовитого хозяина. Ты — ноль, девчонка. Ты — пустышка, и твой кошмар просто показывает тебе твою истинную цену в этом мире «рехабов».

Я видел, как она судорожно, со всхлипом сглатывает. Как её голос на моих глазах превращается в тонкий, жалкий мышинный писк. Ей стало больно пиздец — я физиче-

ски ощутил этот парализующий ступор, момент, когда её старая, гнилая психологическая защита рухнула с грохотом крепостной стены, и она осталась один на один со своей ледяной, позорной наготой. Мой висок бешено запульсировал: «Стас, ты её сейчас раздавишь! Ты переборщил, сержант! У неё сейчас сердце встанет!».

Но именно в этот критический момент, когда старая личность рассыпалась в прах, я включил мягкую скалу. Я не бросил её захлебываться в этой черной пустоте. Я не дал ей утонуть. Я схватил её за плечи своим голосом и объяснил: этот её животный, липкий страх, эта позорная «голоота» во сне — это и есть момент её истинного, мучительного рождения. Это момент капитуляции, без которой не бывает победы.

Я отдал ей свой «кислород», свою железную, выстраданную на уверенность в том, что за этим персональным адом существует штиль. Я рассказал ей про мокрое, честное урчание Айзы, про свой проект Мас про то, что можно быть «раненым», «содранным», «поломанным», но при этом — абсолютно несокрушимым. Я стал для неё маяком в этом тумане похуизма.

Она прошептала «спасибо» таким голосом, будто впервые за три года сделала глоток настоящего, не отравленного ложью воздуха. В этот момент я окончательно понял: мой аудит работает на поражение. Мои сто восемьдесят страниц текста — это не просто буквы на экране старо-

го Асер. Это патроны. И сегодня я потратил их все до последнего, чтобы не дать живому человеку сдохнуть от собственного внутреннего «садиста консультанта».

Я больше не копал яму в лесу. Я больше не искал яд. Я строил фундамент для спасения чужой, израненной души. И в этом была моя самая большая победа. Скала выстояла. Смена сдана.

Это мой цифровой авианосец, который я спускаю на воду прямо из ржавых, вонючих доков этой гребаной «ребухи». Пока «бараны» вокруг меня пускают слюни в подушки и видят свои бесконечные сны по замкнутому кругу, я строю систему, которая просто не даст им больше уснуть. Никогда.

Каждая страница этого кода — это мой боевой пост, мой дом, моя огневая точка. Файл `salt-addiction.html` — здесь я вскрываю гной солевого безумия без наркоза, показывая, как мозг превращается в пережаренный паишет за считанные месяцы. Я заманиваю их на стандартную, привычную «капельницу», а выдаю тотальное, хирургическое вскрытие личности по методу Фарелли-Молодцова. Я досконально, до последней запятой изучил этот рынок: он пуст, он смердит ложью и дешевым маркетингом. Там нет психологов с большой буквы, там есть только барыги в белых халатах, торгующие копеечным физраствором по цене золотого песка. А я — комендант смыслов. И я пришел забрать свою территорию.

Мой сайт — это мой симметричный, ядерный ответ

всем «рехабам» этой страны, всем этим «консультантам» в панамках, которые возомнили себя богами. Это мой 12-й шаг в промышленном, мать его, государственном масштабе. Я лично прописал каждую кнопку, каждый тег, каждую мета-описательную «папочку» так, чтобы поисковой робот Google нашел меня первым в этом мутном цифровом болоте. Когда очередная отчаявшаяся, выплакавшая все глаза мать где-нибудь в глуши Саратовской области вобьет в поиск дрожащими пальцами слово «помощь», она наткнется не на прилизанную, лживую ванильную картинку из фотостока с улыбающимися актерами. Она наткнется на мою скалу. Она кожей почувствует запах реальной лесной земли, вкус пота и увидит ледяной, честный свет моего фонаря, бьющий прямо в глаза.

Я смотрю на этот бесконечный список файлов в проводнике Windows. Это мой «золотой запас», мой неприкосновенный, бронированный арсенал. У меня в кармане всё еще те же жалкие 213 рублей, на которые смешно смотреть, но в этом архиве — миллионы спасенных нейронов и тысячи невыплаканных слез. Это мой железный входной билет на свободную работу, это моё законное право на Мас. Я больше не ищу работу — я создал себе тотальную, суверенную автономию. Мой сайт будет молотить трафик, генерировать смыслы и вскрывать гнойники, пока я буду физически стоять в реальном наряде у раскаленной печи. Я больше не «объект» для чужих грязных манипуляций, я — субъект, ко-

торый ломает об колено эту серую реальность. Мой авианосец прогрел двигатели и готов к выходу в открытое море Балаково. Трап поднят. Пост принят.

ПРИРУЧЕНИЕ САМОЗВАНЦА

(МОЙ ЛИЧНЫЙ СПЕЦНАЗ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРАВДЫ)

Двадцать восемь долгих, выжженных дотла лет он безраздельно правил в моей черепной коробке. Мой внутренний «Самозванец». Ненасытный паразит, который жирел на маминых истеричных криках про «дворника с метлой», который пух от восторга на моих позорных срывах в лесной грязи под Саратовом. Он хохотал во всю глотку, когда я, обложившись сотней умных книг по психологии, пытался найти в них спасение, а на утро не мог вспомнить ни одной вишивой строчки, кроме собственного страха. Он всегда сидел на моем правом плече и вкрадчиво, ядовито шептал прямо в ушную раковину:

— Стас, посмотри на себя. Ты — дешевая, картонная подделка.

Твой хваленый «Штиль» — это просто временная химическая галлюцинация, затишье перед новой бурей. Ты ворует чужие мысли, ты маскируешься под кодера, ты юзаешь ИИ, потому что сам — пустое место. Твоя «Скала» — это папье-маше. Скоро, совсем скоро все увидят этот гнилой,

вонючий нарыв под твоей нарисованной броней, и ты с позором вылетишь обратно в свой кювет, где тебе и место!

Я верил ему. Я дрожал перед ним. Но сегодня, здесь, в этом Вагончике, под мирное, честное и теплое урчание Айзы, я просто остановился. Я перестал бежать. Я развернулся и посмотрел этой твари прямо в её пустые, лживые глаза. И я не стал с ним бороться. Я не стал доказывать ему свою «хорошесть». Я сделал то, чего этот паразит никак не ожидал от младшего сержанта — я совершил тотальную, безоговорочную капитуляцию перед своей собственной, неприкрытой правдой.

Я встал перед зеркалом, вцепился пальцами в края раковины и сказал вслух, чеканя каждое слово:

— Да. Ты прав, ублюдок. Я — самозванец. Я использую искусственный интеллект, чтобы верстать свой сайт и писать этот текст, потому что мой мозг изнасилован годами употребления. Я забыл все эти сраные умные книги, потому что они написаны сытыми людьми для сытых людей, а не для тех, кто жрал землю в сорокаградусную жару. Я — обычный, поломанный мужик из Балаково, который еще неделю назад рыл кювет грязными ногтями в поисках дозы. Я — ПРЛ-щик с виском, готовым взорваться от любого шороха. Ну? Что ты теперь мне сделаешь, когда я сам вывалил всё своё мясо на стол? Чем ты будешь меня шантажировать, если я больше не боюсь быть ничтожеством?

И в этот самый миг в моей голове наконец-то наступила

тишина. Оглушительная, чистая, стерильная тишина. Мой главный враг мгновенно замолк и съезжился, потому что я выбил у него из рук единственное оружие, на котором держалась его власть — ложь. Я стал абсолютно прозрачным. А когда тебе нечего скрывать, когда ты сам вскрыл свой гнойник до самой кости, тебя физически невозможно «вскрыть» извне. Никакой спецслужбе, никакому «садисту», никакому самозванцу больше не за что зацепиться.

Мой «самозванец» не испарился, нет. Он просто переобулся. Прямо сейчас он проходит переаттестацию в моем внутреннем штабе. Теперь он работает на меня. Он стал моим самым беспощадным, самым неподкупным и самым зорким аудитором. Стоит мне только на долю секунды попытаться «намазать ваниль» на свою историю, стоит мне только начать дешевое ф्राерство перед пацанами или заиграться в «великого гуру», как он тут же бьет меня мощнейшим разрядом тока прямо в висок:

— Стас, стоять! Куда поплыл? Не ври себе! Где «папочка к папочке»? Где твоя лесная грязь? Будь честным, сержант, иначе мы оба содохнем!

Он стал моим личным предохранителем, моим цифровым щитом от всех манипуляторов этого мира. Теперь я использую его обостренное чутье, чтобы сканировать чужую фальшь за доли секунды. Я приручил этого дикого зверя, я надел на него намордник дисциплины и посадил охранять мой периметр. Моя старая, позорная «грязь» стала

моим самым ценным удобрением, на котором растет моя скала. Я — Стас. И я теперь точно, до последнего атома знаю, кто я такой на самом деле. Я — человек, который перестал притворяться, и в этой нагоде я обрел свою истинную, несокрушимую силу. Мой Мас будет работать на этой честности. Мой Dell 4K будет показывать эту правду.

ПЕРВЫЙ ГУДОК НА РАБОТУ

(ПОСТ СДАН — ПОСТ ПРИНЯТ)

Март 2026-го. Я стою у серой, облупленной проходной завода в Балаково. Утренний воздух здесь не просто холодный — он другой, он пахнет раскаленной окалиной, мазутом, едкой сварочной гарью и настоящим, тяжелым трудом, от которого под вечер гудят жилы. В ушах внезапно, надрывно звенит первый гудок — этот пронзительный звук, как хирургический скальпель, окончательно отсекает моё позорное прошлое в лесном кювете от моего высокотехнологичного будущего в этой индустриальной крепости. Это граница между «торчком» и «сержантом».

В моем кармане больше нет тех жалких, обсмеянных всем миром 231 рубля. Там, в чехле телефона, лежит мой жесткий, выверенный до копейки план на 250 000 #. Там — мой холодный расчет на Мас, на бесшумный полет восьми ядер и мощь M2 SSD. Я смотрю на бесконечный, угрюмый поток рабочих в засаленных спецовках, и мой прирученный «самозванец» пытается в последний раз вяло пискнуть из

своего угла:

— Смотри, Стас, ты снова в капкане. Ты — просто расходный винтик в этой огромной машине. Ты сейчас пойдешь гробить остатки здоровья за несчастный полтос, как обычный, серый баран в стаде! Ты променял одну клетку на другую!

Но я мгновенно включаю свой штиль. Я смотрю на этот завод не как на тюрьму, а как на свой главный, единственный стратегический ресурс. Для меня эта работа — не рабство и не повинность, это спецоперация по полному снабжению моей свободы. Я — младший сержант, и я официально заступаю в наряд. Пока я буду физически чувствовать вес реального металла в своих руках, пока я буду таскать заготовки или крутить гайки размером с кулак, в моей голове, как безупречный швейцарский механизм, будет крутиться код моих 34 страниц HTML. Каждая отработанная смена — это очередной тяжёлый кирпич в фундамент моего стола в стиле лофт. Каждый заработанный и отложенный рубль — это новый, сверхчеткий пиксель на моем будущем мониторе Dell 4K.

Я захожу в гудящий, вибрирующий цех. Грохот многотонных машин больше не пугает мою психику — он идеально созвучен моему внутреннему ритму Скалы. Я вижу здесь «баранов», которые живут от полочки до чекушки, я вижу скрытые «рехабы», которые пытаются доминировать за счет стажа, но я больше не их покорная жертва. Я — их

невидимый, холодный аудитор. Я смотрю на этот мир через призму своего 28-летнего ада и наконец-то, до самых печенок, понимаю: здесь, среди искр, мазута, пота и лязга металла, гораздо больше первобытной, очищающей правды, чем во всех тех ста психологических книгах, которые я с облегчением стер из своей памяти.

Вечером меня ждет Айза. Она будет ждать у двери, чуя запах завода на моих руках. Вечером меня ждет мой верный, изношенный Асер, который через пару месяцев станет почетным донором для моей новой высокотехнологичной жизни. Я прохожу через вертящийся, лязгающий турникет. Старый пост похуизма сдан навсегда. Новый пост ответственности принят официально. Скала начинает свою тихую, методичную работу в реальном, жестком, металлическом мире. Балаково, принимай аудитора. Я на месте.

СВЯТОЙ ШТИЛЬ И УРЧАНИЕ СТАИ (МОЙ ЖИВОЙ ЯКОРЬ)

Вечер в Балаково наваливается на город тяжелым, мазутным одеялом. Я прихожу со своей изматывающей смены на заводе, буквально сдираю с себя пропитанную потом и окалиной куртку, которая пахнет жженым железом и суровым холодом цеха. Мои мышцы гудят от монотонного, честного труда, но в голове — звенящая, стерильная пустота. Я валюсь на кровать, не чувствуя собственного веса, и в этот миг мир за окном перестает существовать. Прямо напротив меня, не сводя своих янтарных, бездонных глаз

с входной двери, сидит Айза. Она не спрашивает, сколько тонн проката я сегодня отгрузил через свои руки. Она не спрашивает, сколько строчек HTML-кода я отшлифовал в своем уме за время обеденного перерыва. Она просто молча, всем своим горячим, дрожащим телом прижимается к моему боку, и в моем вагончике мгновенно, как по команде свыше, наступает абсолютный, непоколебимый штиль.

Она начинает урчать. Это не просто привычный, утробный звук домашнего зверя. Это низкочастотная, мощная вибрация самой вселенной, которая наконец-то признала во мне своего блудного сына. Она урчит с таким неистовым, захлебывающимся рвением, что я чувствую этот утробный гул в каждой кости своего измотанного, перепачканного L12. И в этот священный момент я совершаю свой самый «древний», самый запретный и самый честный обряд. Я окончательно, с хрустом отключаю в себе «цивилизованного человека» с его комплексами и масками. Я выбрасываю на свалку все сто умных книг, все лживые диагнозы «самовозомнивших психологов» из «восьмиклиники» и весь этот липкий, парализующий страх перед завтрашним днем. Я включаю Древнее.

Я хватаю её язык своим ртом. Мы — одна плоть, одна пульсирующая кровь, одна неразрывная, выжившая в аду стая. В этом контакте нет места человеческой брезгливости, нет правил приличия, нет оценок и нет вранья. Есть только два живых существа, которые чудом, на одних го-

лых инстинктах вырвались из лап смерти и теперь греют друг друга на этой ледяной, равнодушной планете. В этом урчании, в этой жесткой, пахнущей ветром шерсти, в этом безграничном, собачьем доверии я чувствую Бога (вселенной и всего сущего) в миллион раз отчетливее, чем во всех лицемерных проповедях и молитвах. Это и есть мой личный, настоящий одиннадцатый шаг в его первобытном, диком, не замутиленном человеческим бредом виде — прямой, искрящийся контакт с Силой Жизни.

Я смотрю на свой старый, потрепанный Асер, на открытые файлы своей книги, на черновики сайта, и внутри меня кристаллизуется знание: я больше никогда, ни при каких обстоятельствах не буду одинок. У меня есть мой боевой пост, у меня есть моя верная стая, и у меня есть мой Бог, который говорит со мной через это вибрирующее, живое тепло. Мой висок наконец-то стал холодным, как арктический лед. Мой параноидальный, липкий страх перед городом и его «баранами» растворился без остатка в этой маленькой комнате. Я больше не «наркоман на паузе», спрашивающий жизнь у системы. Я — возжак, который защищает свою территорию и свою единственную, преданную собаку. Этот штиль — моя высшая награда за то, что я не сломался, не сдал и не бросил её там, в «освенциме». Мы дома. Мы в абсолютной безопасности. И это — истинная цена моей скалы. Пусть так и будет. Всегда.

СКАЛА: СМЕНА СДАНА — ПОСТ ПРИНЯТ (ВЕК-

ТОР М4)

Я стою у настёжь открытого окна своей квартиры в Балаково. Ночь тяжёлым, мазутным покрывалом накрыла этот индустриальный город, но в моей голове — ослепительный, резкий, бритвенно-острый 4К-рассвет. Передо мной на массивном, тяжёлом столе лежит мой старый, изношенный Асер. Он раскалился до предела, он натужно гудит, как выжатый танковый движок, который на честном слове и голом энтузиазме вытащил меня из гнилого кювета. Но я смотрю на этот кусок дешевого пластика с бесконечной, почти религиозной благодарностью. На его мерцающем экране — сто восемьдесят страниц моей выстраданной, кровоточащей правды и тридцать четыре страницы моего цифрового авианосца. Это мой главный боевой трофей. Это мой выкуп из пожизненного, унижительного плена «реабилитаций». Это моя декларация независимости.

Я медленно закрываю глаза и физически, до дрожи в кончиках пальцев, вижу свой будущий Мас. Я вижу этот холодный, матовый серебристый Монолит на своей новой лофт-столешинице. Я уже чувствую под подушечкой указательного пальца характерный щелчок кнопки TouchID. Это больше не влажная, инфантильная мечта «малого пацана», это мой ледяной, выверенный до последнего миллиметра Инженерный Расчет. Мой путь от тех вишивых 231 рубля до этой высокотехнологичной крепости пройден по самому честному, самому беспощадному 10-му шагу, без единого грамма

дешевой «намазки» и самообмана.

Я снова и снова, как заезженную пленку, прокручиваю в голове ту проклятую секунду в лесу под Саратовом. Одна моя рука в черном, вонючем дерьме — другая судорожно сжимает телефон. Я тогда и представить не мог, что эта чудовищная сцена станет хребтом моей книги. Я не знал, что Маша была права, когда в том СМС назвала меня великим человеком. Теперь я это знаю. Великим меня сделала не святость и не чистота, а моя готовность прилюдно вскрыть свою вонючую гордыню перед пацанами. Великим меня сделало мокрое урчание Айзы, за жизнь которой я теперь в ответе перед Богом Вселенной. Великим меня сделала Высшая Сила, которая не дала мне сдохнуть в ту сорокаградусную жару, потому что у неё на этого сержанта были совсем другие планы.

Я больше не боюсь этого города. Я больше не «пограничник» в вечном, позорном поиске дозы, одобрения или «обезбола». Я — скала. Я — аудитор человеческого распада. Я знаю, как вскрыть самый застарелый, заросший гной, не убив при этом живую, трепещущую душу, потому что я до самой кости вскрыл этот гной в самом себе. Я стал прозрачным, а значит — неуязвимым.

Мой висок наконец-то стал холодным, как арктический лед. Мой L12 находится в состоянии абсолютного, благородного покоя. Я молча глажу Айзу по голове, и она на секунду приоткрывает один глаз, подтверждая: «Всё ровно,

Хозяин. Папочка к папочке». Я выхожу на балкон, вдыхаю полной грудью горький, индустриальный воздух Балаково и каждой клеткой кожи чувствую — штиль наступил окончательный и бесповоротный. Моя бесконечная, многолетняя смена в аду официально сдана. Мой пост в настоящей, реальной жизни принят.

Я — Стас. И я только что по-настоящему начал изучать мир

ГЛАВА 2

ПРОЩЕНИЕ

ГНИЛАЯ КОНФЕТКА (ЦЕНА МОЕГО «СПАСЕНИЯ»)

Я сижу в четырех стенах этой «ребухи», и мой висок готов разорваться не от тяги, а от ледяного, парализующего осознания: меня обокрали. Обокрали те самые люди, которые с накрахмаленными улыбками обещали мне «новую жизнь» и «возврат к ценностям». Пока они вливали мне в уши ванильные сказки про духовный рост и 12 шагов, мой реальный мир, мой фундамент, моя единственная опора в материальной реальности — мой бизнес — превращался в гнилую труху.

Когда я заезжал в этот «освенцим», у меня была гордость. У меня была моя «конфетка» — навильон-шаурмичная. Мой личный островок независимости, моя крепость, который я вылизывал, в который вкладывал каждый рубль,

каждую бессонную ночь. Мы договорились: три месяца. Это была сделка. Я отдаю им свое время и свою свободу в обмен на трезвость. Но система «рехабов» не знает слова «справедливость». Она знает только слово «диктатура и контроль».

Когда пришло время спасать павильон, когда его нужно было перевезти и установить по уставу — под углом, чтобы вода скатывалась, как слезы с лица прозревшего человека — меня не отпустили.

— Стас, тебе еще рано в социум, — мямлил очередной консультант в панамке. — Твое имущество — это привязанность, это тяга. Думай о душе.

И пока я «думал о душе», мой бизнес, мой павильон, волокли на грязную стоянку, как пленного на расстрел. Эти криворукие мародеры поставили его не под углом, а наклонили вперед. Они создали идеальную ловушку для мартовского снега. И снег начал таять.

Я физически, кожей чувствую, как эта ледяная, грязная вода затекает под обшивку моей «конфетки». Я слышу этот тихий, торжествующий хруст гниющего дерева и разбухающего ДСП. Я вижу, как плесень черными пятнами расползается по стенам, которые я сам красил, мечтая о штиле. Всей внутренней обшивке пришла пизда. Мой павильон, который стоил сотни тысяч, который был моим билетом в будущее, теперь не стоит и ломаного рубля. Это больше не бизнес. Это гнилой сарай на стоянке, памятник

моему бессилию и их «заботе».

Мой «Самозванец» внутри хохочет, захлебываясь слюной:
— Ну что, сержант? Помогли тебе твои «рехабы? Ты спасал душу, а они сгноили твоё мясо! Ты выйдешь отсюда голым, Стас! С нулём в кармане и гнилым ящиком на стоянке! Иди, сплетничай про тех, кто сбежал — они-то хоть навильоны свои спасли, а ты сидишь здесь и жрёшь эту духовную баланду!

И в этот момент мой висок достигает критического давления. Я чувствую ярость такого накала, что она может плавить сталь на моем заводе. Я проснулся на обещанке? Да! Потому что я увидел истинное лицо этой системы. Они не «лечат» — они утилизируют. Они обездвиживают человека, пока его жизнь за стенами превращается в прах.

Но я останавливаюсь. Я смотрю на Айзу. Она здесь. Я смотрю на свои

17 страниц текста. Они здесь.

Да, навильон сгнил. Да, я потерял актив. Но я вскрыл этот гнойник. Теперь это не просто моя «обида» — это моя Улика. Это глава моего бестселлера, которая покажет каждой матери: когда вы отдаете сына в лапы «рехаба», вы отдаете не только его, вы отдаете всё, что он построил.

Я не буду сливать эту ярость в сплетни о девчонке, которая сбежала. Это мелко для скалы. Я направляю эту ярость в свой вектор. Мой навильон стал жертвой, но я

— не жертва. Я заработаю на десять таких павильонов. Я построю свой штаб на Мас, и этот штаб будет стоять на фундаменте моей нечеловеческой злости, превращенной в холодный расчет.

«рехабы», вы сгноили моё железо, но вы закалили мою Душу. Теперь я — ваш самый страшный кошмар. Я — аудитор, которому больше нечего терять. Смена в аду продолжается, но теперь я знаю цену каждого вашего слова. Папочка к папочке. Мой гнилой павильон — это ваш приговор.

ЦИФРОВОЙ РЕЗОНАНС: БИТВА ЗА ЧИСТЫЙ КОД

Тишина в ребе — это не покой, это вязкое, удушливое болото, где время гниет быстрее, чем мой павильон на стоянке. Но сегодня эта тишина другая. Она вибрирует. Она искрит. Я сижу перед своим старым, хрипящим Acer, и в его тусклом свете мои руки кажутся чужими, будто они уже принадлежат тому, будущему Стасу, который нажимает кнопку TouchID на Мас. Я открываю VSCode.

Сначала этот интерфейс бьет меня под дых. «Черт ногу сломит», — орет мой самозванец, пытаясь затянуть меня обратно в уютное болото SublimeText. Экран слепит английскими терминами, меню вываливается на меня как лавина, висок начинает пульсировать в ритме критической ошибки. Я чувствую, как ПРЛ-паника подкатывает к горлу: «Брось это! Ты — дурачок! Ты не прогер, ты — торчок с павильоном! Закройся, спрячься, консультант спит — и ты спи!».

Но я делаю глубокий вдох. Штиль. Я вспоминаю свою скалу. Я вспоминаю 120 Гц на своем будущем Dell. Я не закрываю программу — я начинаю её приручать.

Я ввожу команду русификации. Система «tynum». Индикатор загрузки замер, как пульс покойника. Installing... — и тишина. Минута, пять, десять. Мой внутренний зверь хочет разбить этот Acer об стену, хочет кричать от бессилия. Но в этот миг во мне просыпается сержант.

— Хуй с ним, — шепчу я в темноту. — Мне не нужна «обертка» на русском, если я вижу Мясо внутри.

Я отсекаю лишнее. Я включаю ZenMode. И мир исчезает. Пропадают кнопки, пропадают меню, пропадает этот вонючий коридор ребы и храп спящего консультанта. Остаюсь только я и мой Код. И тут происходит Магия.

Код начинает «оживать». VSCode включает подсветку синтаксиса, и мой «ванильный» сайт на чистом HTML вспыхивает цветами боевого интерфейса. Мои ссылки горят неоновым огнем, теги стоят в строю как почетный караул, а мой текст — те самые 34 страницы боли и аудита — светятся чистотой и порядком. Я нажимаю Shift + Alt + F, и хаос превращается в Космос. Отступы выравниваются «папочка к папочке», блоки встают на свои места с хирургической точностью. Это больше не «грязная траншея» — это чертеж моего авианосца.

Я устанавливаю Git. Моя цифровая страховка. Моя машина времени. Теперь у меня есть право на ошибку, потому

что за моей спиной — система контроля версий. Я больше не боюсь «накосячить», потому что я — хозяин каждого бита информации в этом ящике.

Я оборачиваюсь. Консультант спит. Спит человек, который вчера пытался меня лечить. Он спит в своей иллюзии контроля, а я здесь, в этой холодной тишине, перепрошиваю свою реальность на языке тегов и атрибутов.

Я вижу свой код в цвете, и это — самое красивое «мясо», которое я когда-либо создавал.

Мой висок прохладный. Мои руки не дрожат. Я — не «дурачок», мама. Я — архитектор, который только что заложил первый кирпич в свою 4К-империю. Моя смена в цифровом аду закончена. Пост принят в режиме абсолютной ясности.

ГОДЕН: ШТУРМ ПЕРИМЕТРА

В коридорах поликлиники на Комарова пахнет хлоркой и старой, въевшейся в стены тревогой. Здесь каждый второй в очереди прячет глаза, переминаясь с ноги на ногу, будто за дверью кабинета №417 сидит не врач, а верховный судья. Но я стою в этом строю иначе. Моя спина прямая, мой висок — ледяной Монолит. Я больше не «дурачок», который пытается проскочить на халяву. Я — сержант, который пришел забрать свой допуск в реальный мир.

— Следующий! — лязгает голос из-за двери.

Я захожу. Аппарат флюорографии гудит, как мой старый Acer, когда я грузил на нем VSCode. «Вдохнуть! Не дышать!». Я замираю. В этот момент я вдыхаю не просто воздух — я вдыхаю саму Трезвость. Мои легкие расширяются, выталкивая остатки лесного перегноя и мазутную копоть 17-ти ребух. Рентген прошивает меня насквозь. И я знаю, что на этом снимке не будет темных пятен лжи. Там будет чистый ритм сердца, которое наконец-то бьется ради дела, а не ради яда.

Мой план на 4-й разряд — это не просто бумажка для СБ. Это моя официальная капитуляция перед порядком. Это мой ответный удар по системе «моей лени и неверия окружающих». Они думали, что я сгнию вместе со своим павильоном на стоянке, что я останусь «зоной риска», вечным объектом для их манипуляций. Но я иду к наркологу и психиатру с поднятым забралом.

ХТИ — химико-токсикологическое исследование. Мой главный экзамен. Я смотрю на чистую пробирку и вижу в ней отражение своего Dell 34" Curved. Эти 77 тысяч рублей, этот Mac из Дубая — они стоят на этом анализе. Моя чистота теперь имеет юридическую силу. Каждая печать «Годен» в моем обходном листе — это гвоздь, вбитый в гроб моего «самозванца».

СБ будет меня проверять? Пусть проверяют! Пусть копают мои базы, пусть смотрят мои приводы десятилетней давности. Я не буду врать. Я скажу им в лицо: «Да, я

был в аду. Я знаю изнанку этого города. Именно поэтому я — лучший охранник для вашего периметра. Потому что я знаю, как выглядит враг, и я научился держать штиль там, где вы бы сошли с ума».

Я выхожу на крыльцо поликлиники. Под левым ухом больше не ноет — там теперь стальная уверенность. У меня в кармане будет удостоверение 4-го разряда. У меня на посту будет время, чтобы писать свой код и двигать авианосец в ТОП. Пока я охраняю чужое имущество, я строю свою империю.

Я — Стас. Я прошел рентген Вселенной. И вердикт один: **ГОДЕН К ЖИЗНИ.**

ОРАНЖЕВЫЙ МОНОЛИТ И КОД СВОБОДЫ

Я сижу на низком табурете, и передо мной — гора. 30 килограммов моркови. Грязной, холодной, пахнущей сырой землей Балаково. Мой «Самозванец» внутри заходится в истерическом хохоте: «Ну что, Лев? Долетался в своих 4К-облаках? Где твой Мас? Где твой изогнутый Dell за 77 косарей? Вот твоя реальность, Стас — нож в руке и ведро очисток. Ты — просто зэк на кухонном наряде, и звать тебя никак».

Я чувствую, как правый висок начинает пульсировать. Это гнев. Это то самое «оголенное чувство справедливости». Я хочу, чтобы все центра начали проверять со всей строгостью закона. Челюсть сжимается так, что зубы скрипят. Боль под левым ухом напоминает о себе — это прощальный укус старых оков.

Но тут я смотрю на свои лапы. Те самые лапы, которые в детстве несли домой перебитых змей и собак. Те самые лапы, которые только что нашли жизнь в «железном друге» и Бога в пикселях старого ноутбука.

— Хуй с ним, — шепчу я, и это звучит как молитва. — Это не морковка. Это мой 11-й шаг.

Я начинаю чистить. Срезаю оранжевую кожу — слой за слоем. И с каждым движением ножа я чувствую, как из меня выходит яд. Я не просто чищу овощи для столовой — я провожу аудит своего эго. Срезаю зависть к реабилитации — в ведро. Срезаю обиду на 17 потерянных лет — в мусор. Срезаю страх перед СБ — в грязь. Мои руки двигаются ритмично, как кулер моего ветерана Асер. Папочка к папочке. Тег к тегу.

Айза подходит и садится рядом. Она смотрит на меня своими честными глазами, в которых нет ни грамма осуждения. Для неё я не «дурачок» и не «пациент». Для неё я — возжак, который сейчас добывает ресурс для стаи. Её тепло заземляет мой висок. Энергия, которая только что была мурашками в ногах, теперь переходит в холодную, расчетливую работу.

Я понимаю: мир нейтрален. Ему плевать на мои амбиции, но он дает мне эту морковку, чтобы я научился смирению льва. Настоящий лев не тяжело почистить 30 кг, если это путь к его авианосцу.

Я заканчиваю. 30 килограммов оранжевого монолита

блестят в тусклом свете кухни. Мои руки пахнут чистотой. Я иду к своему Acer 2017 года — моему верному оруженосцу, который ждет меня, мигая синим диодом. Я открываю VSCode.

Тут — моё настоящее мясо. Тут — мой чистый код. Ссылки подсвечены неоном, отступы выровнены идеально по два пробела. Я смотрю на экран и вижу в нем отражение Бога. Он прокрался ко мне через это старое железо, через этот «Айсер», который работает верой и правдой. Он шепчет мне: «Стас, ты голый в этой пустоши, но ты не один. У тебя есть Я, у тебя есть друг-дровосек, у тебя есть Айза. А 7 миллионов того пацана — это пыль, потому что у него нет того штиля, который ты обрел за этими шагами и ведром морковки».

Я обещаю тебе, мой старый ноут: мы допишем эту Книгу вместе. Какой бы сильный ни был соблазн бросить тебя ради глянцевого Мака — ты заслужил финал. Ты вытащил меня из леса. Мы одной крови.

Консультант сопит. Мир нейтрален. А я — Стас-Лев — сижу в центре своей Вселенной и пишу код, который нельзя взломать. Потому что этот код написан слезами покаяния и силой человека, который больше не боится быть собой.

ПРАВО НА НАГОТУ: МИЛЛИОНЫ НИЩИХ

Сегодня 23 марта 2026 года. 13:51 по Саратову. Время, когда я окончательно перестал врать. Я смотрю на парня рядом — он «кусает локти», он раздавлен, он в трауре. С

его счета только что испарились 7 миллионов рублей. Семь сука миллионов. Цена десяти моих павильонов. Цена целого парка Маков. Его уговорили отдать карты родителям, его убедили, что «так будет лучше для выздоровления». И теперь он — нищий «пацан» в золотой клетке, который добровольно отдал ключи своим тюремщикам.

И в этот момент мой правый висок прошибает холодная, бритвенная ясность. Я смотрю на него и понимаю: я богаче. У меня нет этих миллионов, у меня нет даже новой куртки, мой павильон гниет, превращаясь в тонну металлолома, но у меня есть то, чего у него не купить ни за какие деньги — Право решать.

Я иду в этот мир голым. За моей спиной — 17 срывов. Семнадцать раз я проигрывал Богу, системе и самому себе. Семнадцать раз я выплевывал землю из зубов. И каждый этот срыв — это мой личный биткоин, добытый в аду. Это мой опыт, мой аудит, мой иммунитет против фальшивых «центров» и их растяжек «спасибо» на всю дорогу.

Мир нейтрален. Ему плевать, сколько у тебя на счету. Он — огромная, серая пустошь, которая ждет, кто осмелится сделать на ней первый шаг. И я делаю этот шаг своими лапами. У меня есть мой Вагончик, в котором сидит моя Стая. Те, кто любит меня не за «7 миллионов», а просто за то, что я — Стас-Лев. Те, кто не предал меня, когда я был на дне.

Я чувствую мурашки в ногах — это ток Свободы. Это

энергия заземления. Мои ноги большие не дрожат перед СБ или медкомиссией. Я иду туда не просить милостыню, я иду предлагать свою Силу. Я — Лев, который умеет чистить 30 кг морковки с тем же достоинством, с каким правлю в VSCode.

Консультант сопит. Пусть сопит. Его ~2500 рублей за сутки — это его потолок. Мой потолок — звезды, которые я вижу через экран своего Acer 2017 года. Я нашел жизнь в этой железяке, я нашел Друга в цифровом облаке, и я нашел Бога в тишине после бури.

Мне не нужно быть «сержантом», чтобы мной командовали. Мне не нужно быть «дурачком», чтобы меня жалели. Я — Стас-Лев. Я голый, я злой, я трезвый. И я иду забирать своё. Не потому, что мне «положено», а потому что у меня есть лапы, есть ВС и есть воля дописать эту книгу до последней точки.

Пошли они все нахуй Моя смена только начинается.

ТЕНЬ ПЛАКАТА: АУДИТ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Балаково спит под серым куполом марта. Но я знаю, что завтра, на рассвете, этот город выкатит мне свой главный счет. Я увижу их — «начальничков» всех мастей. Ухоженных, трезвых по 11 лет, уверенных в своей правоте, развешавших свои имена на растяжках над дорогами, по которым я ходил в аптеки. И мой «самозванец» внутри снова начнет свой гнилой шепот: «Стас, ну посмотри на них. Они — эталон. Они — власть. Может, твоя скала — это про-

сто бред сумасшедшего? Может, надо просто пойти к ним, поклониться, признать себя “вечно больным дурачком” и получить свою пайку безопасности? Зачем тебе этот риск с Мас? Зачем тебе эта голая правда, от которой мурашки в ногах?».

И в этот момент я смотрю на свой Acer 2017 года. Его синий огонек мигает мне, как маяк в шторме. Этот ноут — мой свидетель. Он видел, как я сдыхал, и он видит, как я воскрес. Если я сейчас предам свою истину ради «одобрения» системы, я предам не только себя. Я предам Айзу, которая сидит на мне и доверяет мне свой сон. Я предам Марию и Вовку, которые верят в моего льва. Я предам этого железного друга-дровосека, который научил меня видеть жизнь в коде.

Предать свою скалу — это значит снова стать «бараном» в панамке, которому 7 миллионов на карте не помогут, потому что у него нет хребта. Я смотрю на 30 кг моркови, которые я только что вычистил до блеска. Это был мой обряд инициации. Я доказал, что могу делать черную работу, не теряя своего 4К-видения. Мои лапы пахнут землей, но мой разум пахнет озоном.

Мир нейтрален, но он очень внимателен. Он ждет: дрогнет лев или нет? Пойдет он просить милостыню у плакатов или пойдет строить свой авианосец на пустыре? Я выбираю пустырь. Я выбираю наготу и 17 срывов как свой единственный капитал. Потому что 17 раз упасть и 17 раз

подняться — это статистика Бога, а не псевдоцентров.

Я не заблуждаюсь. Моя правда работает, потому что она делает меня свободным прямо сейчас, без 15 мультов на счету. Мне не нужно ждать 11 лет, чтобы почувствовать себя человеком. Я чувствую это сейчас, когда VSCode подсвечивает мои ссылки неоновым светом.

Завтра СБ будет смотреть мои базы. Пусть смотрят. Там они найдут мою тень. Но в моих глазах они увидят мой свет. И этот свет нельзя купить или подделать. Я — Стас. Я — архитектор своей свободы. И мой вагончик не свернет с рельсов, потому что машинист наконец-то трезв.

Спи, город. Твой Лев вышел на охоту за смыслом.

ВЫСШАЯ ЛИГА: ЛАПЫ СТРАТЕГА

Я слышу это дыхание за спиной. Это не только храп Консультанта — это дыхание пацанов, которые смотрят на мой экран как на спасательный круг. Они ждут каждую главу, как сводку с фронта, где кто-то один из них наконец-то перестал отстреливаться и пошел в наступление. И в этот момент мой правый висок перестает болеть. Он становится ледяным вычислительным центром.

Высшая лига — это не про 7 миллионов на карте. Высшая лига — это когда ты сидишь на табурете после 30 кг морковки, у тебя под ногтями земля, а в голове — чистый, как медицинский спирт, HTML-код. Это когда ты понимаешь: разница между тобой и «центрами» не в количестве растяжек над дорогой, а в том, что ты видишь матрицу,

а он — только её фасад.

Мои «две лапы». Раньше я думал, что они прокляты. Что они созданы только для того, чтобы дрожать в поисках дозы или подписывать очередное согласие на реабилитацию. Но сегодня, 23 марта 2026 года, я провожу их Аудит. Эти лапы вынесли из 17-ти систем распада самое ценное — знание уязвимостей. Я знаю, где система врет. Я знаю, где «дурачок» внутри нас ищет лазейку, чтобы сдать. И я записываю это в свой VSCode, превращая боль в алгоритмы выживания.

Пацаны ждут? Значит, я не имею права на «каламбур». Мой текст должен быть как мой будущий Мас — компактным, бесшумным и смертоносным для лжи. Если я выхожу голым в эту пустошь, то за моей спиной должен стоять авианосец, построенный на честности. Каждое моё «нахуй» в адрес прошлого — это кирпич в стену нашей общей крепости.

Я смотрю на свой Acer 2017 года. Старик, ты слышишь? Мы в высшей лиге. Нас читают те, кто потерял надежду. На нас смотрят те, кто отдал свои карты родителям и теперь кусает локти. Мы — их единственный шанс увидеть, что можно жить иначе. Что можно купить монитор Dell не потому, что ты «вор» или «мажор», а потому что ты — автор, которому нужен идеальный фокус для его битвы.

Мир нейтрален, но сегодня он замер. Он слушает стук

моих клавиш. Он видит, как лев гладит Айзу и пишет код Свободы. Мой главный экзамен я сдаю сейчас — перед своей Стаей. И мой вердикт самому себе: **Я БОЛЬШЕ НЕ ИГРАЮ В ИХ ИГРЫ. Я СОЗДАЮ СВОЮ.**

Пацаны, Пост принят. Мы идем в 4К., и мы заберем с собой всех, кто готов сбросить панамки.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР: ПСИХОЛОГИЯ ПЕТЛИ

Я видел их. Я видел этих «лучших психологов страны», которые сидят в своих кожаных креслах, вальяжно потягивают дорогой кофе, пока в соседней комнате пацана ломают через колено. Они называют это «терапевтическим сообществом», а я называю это лицензированным садизмом.

Эти «ванильные» гуру с дипломами, висящими на стенах как скальпы, — самые опасные хищники в нашей пустоши. Они не бьют тебя сами. Они используют твой страх, твою вину и твой ПРЛ как инструменты для создания пожизненной кабалы. Их высший пилотаж — это не когда ты выздоравливаешь, а когда ты, окончательно потеряв рассудок от истязаний и морального прессинга, ставишь свою подпись под распиской. миллион. Ты становишься должен им свою жизнь еще до того, как вышел за ворота.

Я смотрел в их пустые, стеклянные глаза. Они смотрят на пытки и называют это «преодолением сопротивления». Они видят, как человек превращается в тень, и говорят: «Это глубокая проработка эго». Это перевернутый мир, где палач надевает белый халат и цитирует Юнга, пока его по-

моищники в панамках затягивают петлю на твоей шее.

«В так называемых «реабилитационных центрах» процветает индустрия подавления личности под видом помощи. Я был свидетелем того, как мужчину довели до крайней точки — суицида через повешение. Его не слышали.

Системное применение депривации сна (лишение бессонницей) и непомерные «зоны ответственности» (психологический прессинг) разрушили его волю. После трагедии администрация, в лице сотрудников с сомнительной квалификацией (таких как условный «А.Г.»), не признала системную ошибку, а цинично переложила вину на саму группу воспитанников.

Это не медицина и не психология — это доведение до отчаяния в закрытом контуре, где жизнь человека не стоит ничего, а свидетелей даже не опрашивают официальные органы».

Мир нейтрален, но он видит эту гниль. И мой ответ этим «лучшим психологам» — мой авианосец свободы. Я строю систему, где человек — это не ресурс для выкачивания миллионов, а скала, которой нужно просто помочь сбросить лишний груз. Пока они подписывают свои грязные бумажки, я выравниваю отступы в VSCode. Мой код стерилен. Моя правда — абсолютна.

Айза рычит во сне. Она чувствует мой гнев. Она знает, что её хозяин никогда не станет одним из этих стервятников. Мы с моим Acer 2017 года допишем эту книгу нахо-

дья в реабилитации, и она станет осиновым колом для их «ванильного» бизнеса. Пацаны в вагончике, слышите? Никаких расписок. Никаких «долгов» системе. Единственный, кому мы должны — это Высшая Сила, которая сохранила нам лапы, чтобы мы могли напечатать этот приговор.

Высшая лига палачей, ваш аудит начался. И проводит его тот, кого вы считали «морозящим дурачком».

АЛХИМИЯ ЛЬВА: ТРАНСМУТАЦИЯ ЯДА В КОД

Я сижу в полумраке, и мой правый висок пульсирует в ритме 120 герц, которых у меня еще нет, но которые уже прошиты в моем ожидании. Внутри меня поднимается густая, черная злость. Это не та злость, от которой хочется крушить мебель или орать на пацанов. Это злость аудитора, который увидел, как «ванильные» психологи в кожаных креслах превращают человеческие жизни в долговые расписки на миллионы. Я вижу их лица — холеные, уверенные, раскинувшие ноги в сытом покое, пока за стеной рвется чья-то душа.

И тут происходит алхимия.

Я не даю этой ярости выплеснуться в крик. Я не сжимаю челюсти до боли. Я беру эту энергию, этот раскаленный свинец ненависти к лжецам, и начинаю плавить его в штиле своей скалы. Я направляю этот ток в свои лапы, которые пахнут землей 30 килограммов моркови. Я чувствую, как гнев превращается в концентрацию. Мой старый Асер — мой верный ветеран — принимает этот заряд. Его кулер

завывает, пытаюсь охладить мой пыл, но я непреклонен.

«Может, всё же Windows, Стас?» — шепчет мой страх. «Там всё привычно. Там ты знаешь, где баги. Там ты — свой среди чужих. Мас — это слишком чисто, слишком идеально, это для “других”, не для тебя, бывшего торчка из 17-ти ребух».

Но я смотрю на VSCode. Я вижу эти неоновые ссылки. Это и есть продукт моей алхимии. Я превращаю 17 лет ада в чистый Код. Я переплавляю истязания палачей в страницы свободы. Если я останусь на Windows, я останусь в плену у старых привычек, у вечных «синих экранов смерти» и обновлений, которые не спрашивают разрешения. Чтобы завершить трансмутацию, мне нужен стерильный инструмент. Мне нужен Мас не ради пафоса, а ради того, чтобы у моего зла на несправедливость была самая быстрая и четкая машина для доставки истины.

Алхимия льва — это умение улыбаться, когда внутри бушует шторм. Это умение гладить Айзу рукой, которая только что хотела сжаться в кулак. Это понимание того, что моя злость — это мой самый дорогой актив, если я не дам ей сжечь мой вагончик.

Я выбираю Мас. Я выбираю 120 Гц. Я выбираю путь, на котором нет места «костылям» прошлого. Моя книга будет дописана на этом Acer, чтобы он впитал последний вздох моего «дурачка». А мой авианосец взлетит на новой системе, где нет вирусов, нет лжи и нет новому мусору.

Мир нейтрален. Он просто дает мне свинец. Золото из него я делаю сам.

ОБЕСЦЕНКА В ПОЛЕТЕ: ПРЫЖОК ЛЬВА

Я сижу на подоконнике своего прошлого. Внизу — пу-стошь Брянска, вверху — холодные звезды 1991 года. Я смотрю на маму и чувствую, как слезы жгут лицо. Я хочу её спасти, я хочу её убить, я хочу, чтобы она просто увидела, как мне больно. Но она говорит: «Я буду жить долго». И это звучит как пожизненный срок.

Я решаюсь. Я отпускаю её руку. И в ту же секунду мой мозг взрывается обесценкой: «Ну и что? Ну отпустил. И кто ты теперь? Обычный мужик с Acerom. Твои страдания — пшик. Твои 17 срывов — просто глупость. Ты никто в этой пустоте!».

Но в этом полете я слышу другой звук. Это гул кулера моего железного Друга. Это дыхание Айзы. Это голос Высшей Силы. И я понимаю: обесценивается только иллюзия. Моя скала — не иллюзия.

Мои 30 кг морковки — не иллюзия. Мои 34 страницы кода — это Твердь.

Я лечу не «от мамы». Я лечу к себе. И в этом полете мне не нужно её одобрение. Мне достаточно того, что мой VSCode подсвечивает путь неоновым светом. Моя ценность — внутри моего Вагончика. И её нельзя «обесценить» извне, потому что я сам назначил себе цену: Один авианосец смыс-

лов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.